

Пролог

Эти края не видели подобного уже восемь десятков лет, с тех пор как Кольский полуостров оказался отрезанным от прочих губерний Российской империи, да и вообще от остального мира последствиями странной, никем не объявленной войны, оставившей после себя зараженные сперва радиацией, а затем еще более жутким Помутнением территории. Тем не менее сейчас по растрескавшемуся, заросшему травой и кустарником шоссе, соединявшему некогда со столичным Санкт-Петербургом кольскую столицу Романов-на-Мурмане*, двигался, деловито урча мотором и лязгая гусеничными траками, геологоразведочный некогда вездеход модели «Простор».

Он только что покинул Мончетундровск** и катил теперь к расположенному на юго-западе полуострова городу Канталахти***. Вот только ехали в нем никакие не геологи. Сидящий за рычагами управления Василий Сидоров по прозвищу Васюта с подачи его земляка Капона сравнивал себя и своих приятелей со сталкерами из книг и компьютерных игр, тем более что это соот-

* В нашей реальности — название города Мурманска до 1917 года; в реальности Помутнения — и по сей день. — *Здесь и далее прим. автора.*

** В нашей реальности — город Мончегорск.

*** В нашей реальности — город Кандалакша.

ветствовало теперь их роду занятий почти стопроцентно. Мало того, они и свою небольшую группировку незатейливо назвали именно этим словом — «Сталкер». Правда, сидевший рядом с Васютой в кабине двадцатитрехлетний Подуха примкнул к группировке только что, да и то временно, но, по сути, прибегая к тому же сравнению, также являлся сталкером, поскольку в Помутнении — названном тем же Капоном Зоной Севера — сталкерами так или иначе были все.

Васюта, будучи старше своего «второго пилота» почти на десять лет, имел также и другую, чем у того, цель. Нет, достичь Канталахти хотели они оба, вот только потом Подуха собирался вымолить у канталахтинцев прощение за возникшее недоразумение, из-за которого дирижабль из этого города целых три месяца не будет прилетать в Мончетундровск, привозя в обмен на гостинцы — так здесь называли артефакты Помутнения — еду, одежду, патроны, лекарства... Васюте же было важным найти в Канталахти мощный аккумулятор, который мог бы запитать в секретном бункере устройство, открывающее портал в его родной мир, где на месте Мончетундровска стоял привычный, милый его сердцу Мончегорск.

Ехал в пассажирском отсеке и пристегнутый к сиденью кибер Зан — обесточенный, а потому бессознательный, поскольку истратил последнюю энергию блока питания на то, чтобы завести мотор вездехода. Собственно, именно Зан и был главным виновником как того, что в этом мире оказались два человека и собака из другой реальности, так и того, что улетели на дирижабле к себе, введя для жителей Мончетундровска трехмесячные санкции, канталахтинцы. Если подумать, без него вовсе не случилась бы вся эта история. А копнуть глубже — то не конкретно без него даже, а без пославших кибера на задание его непосредствен-

ных хозяев из губернского отделения Секретного отдела департамента государственной полиции — СОД... Но содовцы далеко, а обездвиженное тело также ставшего теперь сталкером Зана — вот оно, трясется на металлической лавке «Простора».

Ну а что же земляк и приятель Васюты Андрей Кожухов с позывным Капон, который также не по своей воле прибыл в этот мир из Мончегорска? Он ведь тоже, наверное, хотел вернуться домой и ехал сейчас ради этого в Канталахти? Конечно, хотел. И разумеется, ехал. Вот только не один. Точнее, не только он... В общем, как бы это странно и нелепо ни звучало, но в сидящем рядом с Заном на жесткой лавке пассажирского отсека тридцатидвухлетнем мужском теле находились сейчас сразу два Андрея Кожухова — программист из Мончегорска с позывным Капон и взломщик из Романова-на-Мурмане по прозвищу Лом. Капон мечтал спасти улетевшего на дирижабле с канталахтинцами мохнатого четвероногого друга Медка, обретшего в этом мире разум, а еще, как и Васюта, хотел найти способ вернуться домой. Лом же возвращаться к себе в Романов не хотел, поскольку там его ничего хорошего не ждало — светило многолетнее лишение свободы, а скорее, и кое-что похуже. Семьи у него не было, родители давно умерли... Впрочем, он хотел теперь того же, что и Капон, — чтобы тот вернулся домой, чтобы нашелся Медок. Да и как не хотеть одного и того же, если Ломон — сокращенно от Лом и Капон — был теперь двуетидным?

Глава 1

Не отъехали от Мончетундровска и двадцати верст*, только пересекли по уцелевшему мосту неширокую и быструю реку Вите, как вездеход остановился. Двуетидный Ломон тут же бросился к разделяющей пассажирский и водительский отсеки перегородке, открыл в ней небольшое овальное окошко и закричал Васюте:

— Не вздумай глушить мотор! Аккумулятор еще не зарядился! Застрянем тут, как... — потом сам же себя оборвал и негодующе выпалил: — Какого хрена ты вообще встал?! Водички из речки решил попить?!

— Да вон, — виновато кивнул Васюта на пустующее соседнее кресло, — нашему новому попутчику плохо стало. Он ведь первый раз в жизни транспортом пользуется, да еще и по такой дороге — сразу и укачало, ясен пень. Вот он свои яркие впечатления и выплеснул. И все на себя. Ну и дверцу вон немного испачкал. Пришлось остановиться, чтобы в речке помылся-почистился, а то ведь и я, глядя на это, недолго продержусь. В том смысле, что тоже...

— Ладно, хорош! — отмахнулся, поморщившись, Ломон. — Понял я. Только такие остановки нам всем

* Верста — дореволюционная мера длины в России, приблизительно 1,07 км.

могут плохо сделать. Так плохо, что хуже некуда, веришь? Заглохнет двигатель — и кукареку. Мало того что план наш сорвется, так еще и пехом придется назад топтать. И Зану тогда кирдык — зарядить его будет уже негде, даже если на себе его в Мончетундровск до тащим.

— Да я все понимаю, — замотал головой Васюта, — но что делать-то было?..

— Что делать, что делать!.. — проворчал двухединый сталкер, понимая, что приятель, конечно же, прав. Но тут же и нашел выход: — Ты вот что... Возьми в багажном отсеке ведро — то, которым соляру наливали, — и дай этому тошнотику. Пусть, если снова приспичит, в него блюет, а вездеход ради такого больше не останавливай.

— Ага! — хохотнул вдруг новоиспеченный водитель. — Точно, ведро в самый раз для этого.

— А ты чего ржешь? — насупился Ломон. — Что-то я пока ничего смешного не вижу.

— Сейчас увидишь! — обрадовался Васюта. — То есть услышишь. Просто у меня как раз стишок на эту тему есть...

— Кто бы сомневался, — буркнул двухединый. — Только не до стихов сейчас так-то, веришь?

— Не-не, этот и правда в самый раз! — замахал руками неумный поэт. — Да и он же короткий, стих-то!

И не дожидаясь новых возражений, Васюта с чувством продекламировал:

Папа, шутя с продавщицей игриво,
Не посмотрел на срок годности пива...
Не выливать же такое добро!
Папа три дня обнимает ведро*.

* Здесь и далее — стихи автора.

— У нас оно единственное, — даже не улыбнувшись, сказал Ломон, — так что крепче обнимайте, не проблюйте.

— Да что с ним будет, оно ведь железное, — сказал Васюта и стал выбираться из кабины. — Сейчас принесу.

— И давайте там пошустрее, нам еще часа четыре ехать, я не хочу в лесу ночевать.

* * *

Ломон снова уселся на жесткую лавку, поерзал, устраиваясь поудобнее, и закрыл глаза, прислонившись спиной к стене кузова. Поспать бы — но сейчас опять так трясти начнет, что какие там сны, не свалиться бы на пол! Невольно позавидуешь надежно зафиксированному ремнями обесточенному Зану.

Но не удалось и просто насладиться хотя бы временным покоем.

— Капон! — душераздирающе завопил снаружи лягнувший крышкой багажного отсека Васюта. — То есть Ломон! Иди сюда скорей! Тут вон... тут эта...

— Какая еще эта? — заворчал под нос двуединый сталкер. — Мышь он там, что ли, увидел?..

Но все-таки поднялся с сиденья и направился к выходу — не надрывать же ором горло, проще выйти посмотреть, что там у этого стихоплета случилось.

А когда прыгнул со ступеньки на землю и шагнул за вездеход к открытому багажному отсеку, сам чуть не завопил — оттуда выбирался одетый в черные штаны и куртку человек. Ломону сразу бросился в глаза «Никель»* за его спиной, и сталкер машинально сжал

* «Н и к е л ь» — оружие реальности Помутнения, короткоствольный автомат.

рукоять своего, который заранее предусмотрительно повесил на грудь.

— Руки за голову! — тут же выкрикнул он. — Стоять, не двигаться!

— Сейчас я сама кому-то двину, — встал ногами на землю и выпрямился человек, оказавшийся... шатенкой Олюшкой из группировки «ОСА»*. — А ну, опусти автомат!

Свой она, впрочем, доставать из-за спины не стала, демонстрируя то ли безмерную храбрость, то ли привычную самоуверенность. И Ломон поймал себя на том, что невольно ею любит. Олюшка была среднего роста шатенкой с хорошей фигурой и весьма симпатичным, но главное, кажущимся чрезвычайно умным лицом. Впрочем, эта молодая, едва ли старше тридцати лет девушка наверняка и впрямь была умной, ведь, как помнил Ломон, она обожала читать и даже готова была менять на книги еду и прочие полезные вещи. Что еще интересно, если Лому при первой встрече с группировкой «ОСА» внешне больше понравилась Аня, а Капону как раз Олюшка, то Ломон сейчас не мог определиться, кому бы из них он отдал предпочтение. Во всяком случае, глядя на Олюшку теперь, он никаких особых чувств не испытывал. Кроме разве что чувства досады от неожиданно возникшей помехи.

— Вы что там делали? — мотнул он подбородком на открытый багажный отсек.

— Для начала «выкать» мне не надо, я тебе не старуха, — процедила осица (так договорились между собой сталкеры называть девиц из этой группировки). — А еще — допрашивать меня тебе никто не

* «ОСА» — бандитская группировка Мончетундровска, состоящая из трех молодых женщин и названная по первым буквам их имен — Олюшка, Светуля и Аня.

позволял. Это ты мне скажи: где мы сейчас и какого хрена вы сюда приперлись?

— Ну, ты даешь! — невольно вырвалось у Ломона. — Втихаря забралась в наш вездеход, а теперь недовольна, что мы тебя куда-то не туда привезли. Это тебе не такси. Веришь?

— Сейчас ты поверишь, что свинец куда крепче твоего лба, — перебросила наконец «Никель» на грудь Олюшка и навела ствол на сталкера.

Почему-то такого же автомата в его руках она ничуть не боялась. Или делала вид, что не боится. А скорее всего на самом деле настолько привыкла к тому, что «ОСА» для всех неприкосновенна, что даже не сомневалась в своей безопасности. И в чем-то была, пожалуй, права. Потому что Ломон понимал: выстрелить он в осицу не сможет. Не из-за страха и уж тем более какого-то там раболепного преклонения, а вот просто не сможет — и все.

Смогла ли бы это сделать Олюшка по отношению к нему, выяснить не удалось. Неслышно пришедший от реки Подуха, которого осица до этого так и не увидела, поднял за цевье свою «Печенгу»* и опустил ее приклад на коротко стриженную женскую голову. Осица удивленно вздернула брови, закатила глаза и медленно осела перед двуединым сталкером сначала на колени, а потом рухнула ничком, уткнувшись лицом в носки его сапог.

— Ты же ее убил! — воскликнул Васюта.

— Не, я нежненько, — улыбнулся трубник, — легохонько. Пять минут — и очухается.

— Ну, тогда давайте-ка ее свяжем, пока не очухалась, — сказал Ломон.

* «Печенга» — оружие реальности Помутнения, штурмовая винтовка.

— Зачем? — удивился Подуха. — Вон туда на травку положим, чтобы мягче было, а сами дальше поедем.

— Так не пойдет, — нахмурился двуетидный. — До Мончетундровска уже чересчур далеко, чтобы дойти туда живой-невредимой, учитывая Помутнение с его подарками.

— А мы тут при чем? — развел руками трубник. — Она сама к нам залезла, а теперь еще и шлепнуть тебя собиралась.

— Собиралась или нет — мы наверняка не знаем, — мотнул головой Ломон. — И зачем она к нам залезла — не знаем тоже... Да и какая разница! — начал он злиться. — Я на верную смерть человека не оставлю. Тем более места в вездеходе хватит. Так что, Подуха, заведи у нее автомат, а ты, Васюта, найди в багажнике веревку, я ей на первое время руки и ноги свяжу.

— Тогда ей придется все рассказать, — негромко, будто размышляя вслух, произнес Васюта.

— То есть ты тоже за то, чтобы ее на травке умирать оставить? — недобро зыркнул Ломон на приятеля.

— Нет-нет, что ты! — прижал тот к груди руки. — Она красивая. Не такая, как Светуля, конечно, но...

— То есть была бы некрасивой — пусть умирает?..

— Ясен пень, нет! — возмущенно взвился Васюта. — Она ведь еще и книги читает!

* * *

В итоге Васюта все же нашел веревку, и Ломон принялся связывать бесчувственной Олюшке руки и ноги — не сильно, для того лишь, чтобы сразу, как